

*Издается по решению ученого совета
Киевского национального лингвистического университета
Протокол № 10 от 24.05.2004 г.*

Главный редактор
А. Ф. Бондаренко,
докт. психол. наук, проф.

Заместитель главного редактора
С. Н. Хоружий,
канд. психол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Докт. психол. наук, проф. Бурлачук Л. Ф. (Киев)
Докт. психол. наук, проф. Василюк Ф. Е. (Москва)
Докт. психол. наук, проф. Казмиренко В. П. (Киев)
Докт. психол. наук, проф. Ложкин Г. В. (Киев)
Докт. психол. наук, проф. Максименко С. Д. (Киев)
Докт. психол. наук, проф. Носенко Э. Л. (Днепропетровск)
Докт. психол. наук, проф. Петренко В. Ф. (Москва)
Докт. психол. наук, проф. Санникова О.П. (Одесса)
Докт. психол. наук, проф. Чепелева Н.В. (Киев)
Фрэнсин Шапиро (Pacific Grove, California)
Роберт Янг (Oakhurst, California)

Адрес редакции:

03680 г. Киев – 150
ул. Красноармейская 73, КНЛУ, к. 904.
Тел./ факс (044) 227-2301

Почтовый адрес:

03150, Украина, г. Киев, а/я 167

E-mail: albond@ukrpack.net

Перепечатка любых материалов, опубликованных в
“Журнале практикующего психолога”,
допускается только с разрешения
Центра консультативной психологии
Киевского национального лингвистического университета

*Ответственность за достоверность фактов, цитат, имен
и других данных несут авторы публикаций.*

Содержание

<i>От редакции</i>		7
Традиции русского персонализма		
<i>И.Я. Франко</i>	Сотворение мира	9
<i>А.Ф. Бондаренко</i>	И.Я. Франко и проблемы персонализма	50
Проблемы медицинской и консультативной психологии		
<i>М.П. Захараш,</i> <i>О.В. Матюха,</i> <i>О.В. Ничик</i>	Изучение динамики показателей психологической адаптации личности к эмоционально-напряженным условиям профессиональной деятельности	61
<i>П.П. Горностай</i>	Психологические игры в кабинете психотерапевта	68
Психосемантические исследования		
<i>О.Н. Лозовая</i>	Информационный тезаурус древнего славянства: опыт психологической реконструкции	81
<i>Н.А. Кучеровская</i>	Экспериментальное исследование профессиональных представлений психологов о практике психологической помощи (психосемантический подход)	106
Проблемы педагогической психологии		
<i>Г.В. Ложкин,</i> <i>Н.Ю. Волянюк</i>	Субъект-объектные ориентации тренеров-преподавателей в жизненных ситуациях.	127
Публикации молодых ученых		
<i>И.А. Блохина</i>	Цели и структура психологических служб зарубежных университетов	140
<i>Т.В. Клибайс</i>	К проблеме концептуального обоснования отечественных психотехник тренинговой подготовки психологов	151
<i>И.А. Ратушный</i>	Технология нарративного тренинга для людей преклонного возраста	161
Из истории и методологии русской психологической мысли		
<i>С.А. Мусатов</i>	К вопросу о психологическом каноне XXI столетия	169
Наши гости		
<i>К. Ю. Токмачев</i>	Необратимые изменения в человеческой судьбе: попытка постановки вопроса	190
<i>С. Блох</i>	Поддерживающая психотерапия	206
Наши авторы		229

К истории и методологии русской психологической мысли

С.А. Мусатов

К вопросу о психологическом каноне XXI столетия

Озабоченность кризисными явлениями в психологии продуктивна в той мере, в какой она находит конструктивный отклик. В статье рассматриваются факторы и закономерности формирования и распада систем психологического знания. Автор, исходя из культурологических и цивилизационных прогнозов футурологов относительно приоритета информационно-коммуникативных тенденций, характерных для постиндустриального развития человечества в XXI ст., предлагает к разработке психологическую систему, логическим средоточием которой (ее канон) выступает коммуникативная природа человеческой психологии.

Постановка проблемы и средства ее анализа

Сколь малоэффективным и сомнительным ни кажется общественному сознанию, измененному в последнее время тотальной коммерциализацией, романтический (наивно-возвышенный) мотив поиска Истины, в славянской традиции миропонимания он неотделим от представления о смысловом назначении Науки и Ученого. Этому обязан, по видимому, их престиж в массовой психологии, способной вытеснить по законам когнитивного диссонанса (Л.Фестингер) информацию о несомненной их причастности к масштабным техногенным катастрофам типа чернойбыльской, постигшим человечество вследствие научно-технической революции. Однако, постепенно забываясь, трагические воспоминания трансформируются скорее в «только знаемые», чем в «реально действующие» (А.Н.Леонтьев) побуждения. Смягчая и гуманизируя образ Науки, они уравнивают функционально-прагматическое отношение к ней, при котором ей отводится роль «реальной производительной силы общества». Но в достаточной мере инструментализировать эту последнюю для массового сознания всегда было делом непростым, даже с упрочением статуса прикладной науки.

По твердому убеждению И.А. Ильина, к примеру, отечественная наука в принципе основана на созерцании, интеллектуальных чувствах (силах сердца), а творческая свобода ученого корреспондируется с «ответственной совестью» [10, с.442]. Поэтому обозначенное дихотомиче-

ское сочетание иррационального и рационального в подходе к ней не может не осложняться время от времени «усталостью от рационализма». Тогда, как это было не раз, размывается конвенциональная четкость ее методологических ориентиров и на смену достигнутому консонансу приходит «методологический анархизм», как метко категоризировал его А.В.Юревич [33, с.35]. По его наблюдению, данное неприятие рационализма славянским сознанием, а точнее подсознанием, исходит из вполне определенной интеллектуальной традиции, имеющей «прочные морально-этические корни, вырастающие из православия», достаточно сильные в народном мировоззрении, определяющие славянскую психологию науки [33, с.37]. Понятно, что соответствующими чертами не может не обладать и наша научная психология. В первую очередь ей присуща социальная сензитивность, заявляющая о себе каждый раз в ответ на кардинальные изменения общественного сознания, вызванные социально-экономическими и политическими потрясениями.

Кризисные явления в психологии, актуальные для ее современного развития, вполне можно отнести на этот счет, но не только [16, с.105; 15, с.104; 33, с.37 и др.]. Позиции рационализма в ней оказались лишь формально незыблемыми, о чем свидетельствуют вновь проявившиеся тенденции: «с одной стороны, к чистому прагматизму, к определенному пренебрежению академической наукой..., с другой, — к явному оживлению интереса ко всяким чудесам, мистики» [31, с.112]. Дискуссия, развернувшаяся вокруг факторов методологического кризиса и поначалу занятая привычным вопросом «кто виноват?», постепенно обретает конструктивное русло, в частности, акцентируется достаточно прозрачное несоответствие запросам практики социального использования психологии ее теоретико-методологических разработок, фактический интерес к которым, как это не парадоксально, критически снизился.

Ставя здесь целью привлечение внимания психологов к необходимости возобновить теоретико-методологический поиск путей преодоления возникших трудностей, полагаем, что продуктивной может оказаться и предлагаемая разработка концепции коммуникативной психологии, эвристически созвучной психотехническому подходу Ф.Е.Василюка [3]. Адекватным средством в решении возникших при этом теоретических задач явился каузально-динамический анализ (Л.С.Выготский), способный вскрыть некоторые зависимости между социальными детерминантами запросов, обращенных к психологии, и принципами организации ее знания. Предметом анализа выступили истоки и прецедент формирования канона психологической системы (В.А.Роменец), а также идея сформировать на их основе начала системы коммуникативной психологии.

Анализ проблемы и обсуждение его результатов

Образ Истины как внутренний, имманентно усиливающий себя, мотив Науки перманентно одухотворяет ее поиск, вовлекая в него все новых приверженцев. Вместе с тем, этот процесс не может быть раз и навсегда завершен, а Истина окончательно определена хотя бы потому, что она непрерывно развивается. Еще маловероятнее определить ее в предметно-бытовом ее выражении, к чему обращены повседневные ожидания, связанные с представлением о Науке и Ученых. Чем весомее научные достижения и совершеннее понимание истоков Истины в ее абсолютном значении, тем сложнее общественному сознанию сформировать социально достаточное представление о ней как о Мере всех вещей. Здесь, по-видимому, заканчивается рациональная вера в науку, чтобы трансформироваться в эзотерического характера Веру, иррациональные положения которой удовлетворяются в массовом сознании самой Верой.

Таким образом Истина, как горизонт перед путешественником, как бы удаляется, видоизменяется по мере приближения к ней, предлагая более сложные и потому интересные задачи, подогревает творческое воодушевление отдельными успехами в достижении частных, промежуточных целей [7; 24]. Мотивирующую уверенность в себе субъект данного поиска черпает не только в объективном обновлении цели, собственной самоотверженности, но и в эмоциональной ценности научного творчества, которая не в последнюю очередь зиждется на коммуникативном смысле научной деятельности. Он, как известно, является одним из несомненно значимых для личности исследователя атрибутом участия в научном творчестве [7], в котором так или иначе реализована его преданность Истине. Индивидуальные результаты ученого, его вклад в приближение к ней предназначаются другим людям, но не только для понимающего одобрения, но и для внедрения в их жизненное пространство, в социальную практику в целом. А иначе, как показал еще А.А.Потебня, для самого субъекта творчества оно теряет весомую часть мотивирующей ценности, если окажется невостребованным тот идейный смысл, вокруг которого фактически организуется интеллектуальная жизнедеятельность ученого [23].

Научной деятельности, следовательно, свойственна такая важная ее функция, как коммуникация, которая осуществляется именно на творческой основе [7]. К тому же перед исследователем раскрывается нетривиальная и эмоционально насыщенная перспектива осуществить собственное «Я» в этой захватывающей работе, схожей с восхождением на вершину. Ступенями-уровнями, ведущими к ней, могут оказаться виды (типы) знания о конкретном научном факте, объекте научного интереса [13]. Так от усмотрения определенных фактов, выявления их несо-

ответствия логической основе принятых теорий исследователь должен подняться до анализа причинно-следственных связей обнаруженных фактов и двигаться дальше – осуществить (то есть не только предложить, но и верифицировать) адекватные теоретические обобщения, сформулировать соответствующую концепцию, поставить новые вопросы в их связях с известными проблемами [13; 24; 27]. Цепь вполне уместных сомнений и научная рефлексия, органически вплетающиеся в эту целенаправленную деятельность, могут приблизить также к рассмотрению вопросов методологического уровня, где, синтезированные в абстрактно-аналитические законы, соответствующие знания функционируют в качестве средства такого исследования. В этой роли и таком значении они становятся определенными правилами, принципами научного исследования либо для данной области, либо достигают даже всеобщего уровня – философского уровня методологии (Л.С.Выготский), становясь логической основой авторской, достаточно оформившейся научной системы [27; 34].

С данной точки зрения психология, как одна из каменистых тропинок к Истине, не представляет собой исключения. Сопоставление научных биографий многих из известных в XX ст. ее деятелей [27] убеждает, что их научный путь в значительной мере похож на приведенное выше трафаретное обобщение. Вместе с тем, психологам свойственны и определенные характерные для них особенности.

Привлекает внимание, к примеру, тот факт, что уже традиционно некоторая часть специалистов, признанных в той или иной области психологии, часто неожиданно для коллег, обращается к проблемам общетеоретическим, методическим. Не редкость, когда такое решение реализовано в написании учебника по общей психологии. Он иногда бывает лебединой песней выдающегося ученого, завершая и подытоживая его путь в психологической науке. Такие свидетельства можно обнаружить в научных биографиях значительной группы психологов. Пример В.Вундта, У.Джемса, П.Я. Гальперина, Х. Инженероса, Г.С.Костюка, В.А. Крутецкого, А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Я.А. Пономарева, М.С.Роговина, В.А. Роменца, С.Л.Рубинштейна, А.А.Смирнова, Б.М.Теплова, О.К. Тихомирова, Г. Эббингауса и еще многих других ученых можно считать показательным в этом плане. Случайность ли это, совпадение? Представляется, что скорее перед нами осознанное стремление изложить собственную, годами вынашиваемую систему психологического знания, публикуемую часто в ответ на вызов времени и обстоятельств, как сказал бы А.Тойнби. Под знаком последних создано немало разнообразных, оригинальных учебников и пособий, которые каждый по-своему способствовали систематизации психологии, актуализируя те или иные ее методологические принципы, на которые опиралась создаваемая психологическая система.

Объективно и автор, и создаваемая им система стремятся к доступному их уровню совершенства, в образах которого, как отмечал Г.Гегель («Феноменология духа»), светится сама бесконечность. Идея создать психологическую систему, представленную в виде учебника, априори плодотворна уже хотя бы потому, что с необходимостью способствует развитию науки, в частности совершенствованию теоретической психологии. В то же время такой учебник, как путеводитель в психологическом знании, даже в замысле не может не соответствовать требованиям актуальной ситуации, а это налагает некоторые ограничения, учитываемые при его переизданиях. Посему создать учебник, отвечающий многим, а тем более всем этим требованиям, почти невозможно. Создаваемые же являются, собственно говоря, вариантами идеального учебника – «расширенными», «улучшенными», «учитывающими новейшие научные достижения» и т.п. (Г.С.Костюк, С.Д.Максименко, С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов и др.). При этом «сигналом» к усовершенствованию авторского замысла и соответствующего учебника, как правило, являются резонансные общественные, культурно-исторические события, эксплицированные факты, заметно изменяющие социальную ситуацию и ее осознание, стимулируя таким образом стремление ученых развивать и психологию в ее системном участии в такого рода прецедентах [1; 21; 25].

Сравнительно молодая, научная психология испытывает со стороны означенных ситуаций, других областей знания не только влияние развивающего характера, но и определенную экспансию с их стороны. Поэтому рассмотренный шаг осознающих это специалистов мотивирован, в частности, необходимостью противостоять внешним редуционистским тенденциям. Но не только. Не менее важны внутренние проблемы, связанные в том числе со становлением новых областей психологии (ее дифференциацией) и их специализацией. Последняя, конечно, протекает не безболезненно. Одно из таких последствий, на которое обратил внимание в свое время М.С.Роговин, заключается в том, что из поля зрения исследователей может исчезать единственно настоящий объект психологии – человек [25, с.5]. В этих обстоятельствах, а также в условиях культивирования позитивистских, не всегда оправданно используемых, экспериментальных методов [33], нередко они, утратив методологическую чуткость, перестают усматривать в используемых понятиях специфику той психической реальности, которая анализируется ими с помощью данных понятий. Объяснительный, инструментальный потенциал последних, таким образом, обесценивается. Все это и многое другое также вынуждает ученых время от времени обращаться к теоретическим и методологическим, вечным в определенном смысле, проблемам психологии.

В связи с этим, достойно внимания и то, что именно учебник предполагает включить в такой анализ начинающих, из числа которых могут быть привлечены не просто специалисты-психологи, но и будущие адепты пропагандируемых идей, их продолжатели. Достаточно заметно такая коммуникативная тенденция (трансцендентного самопродолжения) проявляется авторами, использовавшими для презентации разрабатываемой психологической системы взглядов жанр введения в психологию (В.Вундт, П.Я.Гальперин, Х.Инженьерос, Я.О.Пономарев, М.С.Роговин, Г.Эббингаус и др.). И хотя для того, чтобы в полной мере проникнуться идеями отдельных из этих «введений в психологию», необходима достаточно глубокая психологическая эрудиция, задуманы они как пособия для тех, кто только включается в изучение научной психологии. Авторской интерпретации ее предмета, уникальности психики как явления в таких пособиях подчинены структура, логика изложения материала. Надлежащее место в них занимает и методологическое кредо автора данной системы психологии [6]. Кроме особенностей психологии как лона деятельности ее специалистов, в тех или иных формах здесь опредмечивается коммуникативно-педагогическая направленность личности автора. Обращенность его мысли в будущее объединена, как правило, с намерением творить его, в том числе усилиями начинающих, для которых, по-видимому с этой целью, предлагаемая система представлена таким способом, чтобы они присоединились к убедительным для автора ее аргументам.

Эквипотенциальная принадлежность психологии к естественным и общественным наукам, выразительная гуманистичность, придающие ей мировоззренческую ценность, не в меньшей мере направляют данные коммуникативные акции авторов. Ведь одна из центральных идей научной деятельности – поиск Истины – как бы совершив вместе с сознающим свое назначение исследователем огромную спираль, подняла его личность на новый мировоззренческий уровень, достигнув определенной логической завершенности. Последнее и придает автору содержательно мощный импульс, формируя стремление донести лично и социально ценные идеи, выводы и интерпретации до сознания научной общественности, и в первую очередь тогда, когда для этих идей найдена логически стройная форма, способная адекватно представить и методологические обобщения. Такими возможностями обладает учебник, а именно – введение в психологию, поскольку научные монографии, как известно, находят свою аудиторию в основном среди узкого круга специалистов, часто – оппонентов. Тогда как продолжение собственного кредо в науке ученый чаще всего связывает не с ними, а с учениками и последователями, с начинающими, путь которых к инструментальному пониманию сущности психического, его причинности, к имманентным законам проходит через приобщение к азам науки. Не исключено, сле-

довательно, что в соответствующем пособии имплицитно содержится и эта цель.

Личностная значимость показанных целей и каждой из них в отдельности обобщенно выражается в своеобразном стремлении к завершенности разрабатываемой системы. Оно выступает интегрирующей целью, охарактеризованной известным исследователем смысла истории человечества Арнольдом Тойнби как такая, которая ассоциируется с достижением чего-то более весомого и возвышенного, чем данная цель, пребывающего за пределами последней [30]. Такого уровня научная цель, по-видимому, достигается в первую очередь в ходе теоретических, мировоззренческого характера обобщений, поскольку к ним стремятся все: и поклонник эмпирического поиска, и автор психологической системы, и осознающий свое социальное предназначение специалист-практик. Принципиально есть основания считать, что закономерным для научной психологии в нашей интеллектуальной традиции является намерение теоретически и методологически определиться, что до недавнего времени выгодно отличало наших специалистов среди их зарубежных коллег. Такая достаточность ориентации способствует не только системному осмыслению новаций, но и практическому их внедрению, если они приняты обществом или имеют такую перспективу. С этим, как известно, связана оправданность имиджа ученого, особенно психолога [1].

Действительно, научное познание, субъектом которого выступает ученый, в частности психолог, является составной частью общественно-исторического процесса производства ценностей (от материально-технических, как способов производства и обеспечения быта, вплоть до духовных). Последние также должны удовлетворять определенные человеческие потребности, потому (хотя и не только) они соответствуют содержанию понятия «ценности», а тот, кто непосредственно причастен к выработке научных ценностей – ученый, исследователь – особа, статус которой исторически обусловлен потребностями общественного развития. В таком происхождении и гуманистическом призвании науки, ученого следует искать логическое зерно ореола, безусловной актуальности его деятельности. Одной из весомых граней этого имиджа, способной укреплять престиж работы ученого, выступает коммуникативная природа направленности его деятельности в целом. Ведь общество, как бы ни отбрасывал эту мысль субъект деятельности, объективно направляет ее на те цели, которые оно считает приоритетными. Этот диалог протекает в конкретных формах, но он может быть не без оснований понят и как формирование имплицитного социального заказа. Средоточие его – определенные социально-исторические ситуации с явными их проблемами, а также средствами решения последних, которые и эксплицируют ученые или один из них.

Нельзя не отметить, что коммуникативный аспект взаимодействия ученого с общественными интересами и степень выраженности их в направленности его личности составляют значимую психологическую характеристику вклада ученого. Вместе с тем именно эта направленность становится условием обращения его к тем или иным общественным группам или к человечеству в целом, когда он предлагает им данный продукт (коллективно выработанный или собственный) в форме выделенной из научной разработки идеи, гипотезы, теории или же конкретной технологии и способа ее внедрения и т.п.

Не преувеличивая значения и вклада каждого психолога, а только исходя из их компетенции как таковой, необходимо отметить, что в условиях научно-технического прогресса она оказалась на перекрестке многих, если не большинства, актуальных культурологических и цивилизационных проблем, в фокусе которых находится Человек. Понятно, что это существенно расширяет социальную роль и значение психологии, поскольку она теперь может определять собственную специфику на основе корреляции своего предмета с другими областями знаний о Человеке и его связи с Миром. И хотя эта проблема известна несколько тысячелетий, именно ускоренное развитие науки и под ее влиянием техники, реалии индустриального способа бытия поставили ее в центр интересов всех современных наук. Даже в лоне сциентистского подхода к психическим феноменам, чаще всего бытующих здесь как «человеческий фактор», они постепенно определяют «гуманизацию» техники (некоторую ее «интеллектуализацию», «очеловечивание»).

Естественные науки, вслед за психологией, приобщаются к многоуровневому моделированию человеческого существа, человеческой деятельности и поведения (кибернетика, роботизация, компьютеризация и т.п.). Многое из этого дает право считать психологию «орудием связи между всеми областями познания человека, средством объединения различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании» [1, с.15]. Это, в частности, означает необходимость преодолеть односторонность функционального, потребительского подхода к людям. В соответствие с данной тенденцией следует привести и психологическое знание, которое при этом должно рассматриваться как определенный способ инструментализации верифицированных рекомендаций гуманистического смысла, придав им системный, онтологический характер с целью эффективного их использования в определенных областях жизни общества.

Понятно, что социальная ценность вклада в это конкретного ученого может быть различной, однако не себестоимостью. Ведь чуть ли не самым ценным в данных коммуникативных актах становится личность субъекта научной деятельности. Он, как правило, стараясь внедрить в общественное сознание и социальную практику те или иные способы,

средства решения актуальных (и не только для него) проблем, рассчитывается за это неповторимым, а поэтому бесценным – временем собственной жизни. Пафосом последней для многих ученых становится при этом служение человеческому постижению Истины. Такая «узкая специализация» ученого, кроме того, приводит его в полную зависимость от общества и соответствующих социально-экономических процессов в нем. Форс-мажорные события по сценарию социально-экономического кризиса, развернувшиеся в последнее время на постсоветском пространстве, красноречиво свидетельствуют об этом.

В связи с этим есть основания считать заметным признаком актуального состояния психологии определенную утрату присущей ей академичности, в первую очередь в области психокоррекционной и терапевтической практики. По данным Е.Д. Хомской, здесь активизировались чистый эмпиризм, клинический прагматизм, оживился интерес к экстрасенсорным, другим парапсихическим явлениям, мистике, религиозному пониманию души и т.п. [31]. Проникновение в психотерапию идеологии и техник, тяготеющих к буддистской религии, которая, как известно, игнорирует независимость объективного мира от сознания субъекта, приводит к смешению в такой практике противоположных взглядов на человеческую психику, некритически заимствованных из западных и восточных религий и философии. Таким образом, под угрозой оказалась методологическая четкость научного знания, в частности объяснительная способность материалистической естественнонаучной парадигмы, ее мировоззренческая и практическая ценность [31, с.112—132].

Весомой причиной этих событий, конечно, является кадровый вопрос. Стихийная волна переквалификантов (врачей, инженеров, экономистов, историков, филологов и др.) со свойственным им непрофессионализмом, часто механистически-упрощенным пониманием психики, буквально ринулась «оказывать психологическую помощь населению». К тому же и в среде профессиональных психологов наблюдается паническая миграция из академической в практическую область деятельности, что обусловлено низким материальным обеспечением специалистов бюджетных научных учреждений. «Практика по заказу (а сейчас за деньги), — комментирует отток психологов из теоретической и методологической проблематики В.П.Зинченко, — может существовать, теория – едва ли» [18, с.130].

Развитие ситуации достаточно прозрачно, чтобы не предвидеть последствия дальнейшей приоритетной поддержки не психологической науки в целом, а тех или иных психологических ее услуг. Нельзя не согласиться и с предостережениями, высказанными по этому поводу Е.Д.Хомской: «ничто так не разлагает науку изнутри, как невнимание к теории, исходящее из профессиональной среды» [31, с.114]. Участники

развернувшейся в ответ на ее статью дискуссии подчеркивают особую остроту проблем личности и сознания, в первую очередь оказавшихся под критической нагрузкой методологической неопределенности [18, с.126-132].

Истоки последней вполне понятны. В социальных условиях переходного периода, способных резко изменяться, психология личности, стремясь, по-видимому, навстречу принципиально новым запросам практики, и поглощенная именно ими, в разработке необходимых при этом теоретико-методологических принципов пока не смогла существенно продвинуться к новым решениям, адекватным требованиям научной корректности. Конечно, этому препятствуют социальные последствия экономической фрустрации. Однако возникший теоретический вопрос не нов, его поднимали (и на методологическом уровне) раньше, в более благоприятных условиях развития фундаментальной науки. Так, исходя из того, что каждому виду запросов практики должен соответствовать определенный уровень психологического знания, Я.А.Пономарев (1983 г.) обосновал гипотезу, согласно которой «созерцательно-объяснительный» и эмпирический типы знания, достаточные для удовлетворения житейских потребностей общения, а также определенных мировоззренческих интересов и т.п., должны в новых условиях уступить приоритетное место «действенно-преобразующему» типу психологического знания, коррелирующему с потребностями современной ему социальной практики [21, с.4].

Действительно, и ранее, и в этих новых «внешних» условиях речь идет о закономерном, объективном характере совершенствования психологического знания как социальной ценности. В этом процессе прослеживается логика истории психологии, в частности научного постижения психической реальности, обусловленной определенными событиями общественного развития, формирования и удовлетворения потребностей людей. Вместе с тем это и движение самого знания. Достижения одной из его фаз развития становятся основой следующего этапа психологического проникновения в действительность с помощью уже сформированных когнитивных моделей, верифицированных в ходе такого взаимодействия с ней. «Представлять после Декарта психическую деятельность по-аристотелевски, — отмечает по этому поводу М.Г.Ярошевский, — так же как и мыслить регуляцию поведения после Дарвина по-декартовски, а механизмы сознания после Маркса по-дарвиновски, значило бы сделать шаг назад» [34, с.367].

Однако данная поступательность движения знания может нарушаться, в том числе вследствие упадка того научного источника культуры, которым является психология в ее теоретическом и прикладном значениях. В соответствии с принципом обратной связи социальных событий общество может оказаться в таком случае отброшенным назад, и

не только на один шаг. Заметно при этом может пострадать общественное сознание, личность людей из разных страт общества, а не только определенных из них. Действительно, можно ли считать появление в наше время целой армии «колдунов», «гадалок», «целителей» и другой подобной публики случайностью? Выход на всенародную арену ТВ А.Чумака, «заряжающего воду» или А.Кашпировского, который «исцеляет» всех и любые недуги и т.п., является не чем иным, как ожиданием значительной частью наших людей чуда, как это и имело место в средние века. Данные факты массовой психологии коррелируют с тем уровнем общественного сознания, в котором все меньше места для научного, рационально-оптимистического понимания собственной беспомощности в фрустрирующих обстоятельствах социально-экономического бытия. Так что же это, если не социальный вызов, провоцирующий кризис рационально ориентированной методологии?

В этих условиях социальные педагоги, воспитатели, менеджеры, учителя, не говоря уже о психотерапевтах и других специалистах, профессиональная деятельность которых непосредственно базируется на психологической компетенции, регулярно сталкиваются с массовым распространением прогрессирующей диплазии [22, с.450—451], представляющей собой как бы «злокачественную» амбивалентность понимания людьми и себя, и событий, в которые они объективно втянуты обстоятельствами, до краев наполненными житейскими трудностями. Для большинства людей, особенно старшего поколения, как для Гамлета, «распалась связь времен». А это не может не осложняться переживаниями собственной малозначимости, неоднозначности понимания действительности, своего реального места в ней, неопределенности собственного к ней отношения [2]. Диалектика обстоятельств их жизни, интериоризируясь, становится практикой личностного принятия реформ. Известное двукачественное отношение Человека к Миру, о котором предупреждал С.Л.Рубинштейн (как к бесконечности, которая может человека поглотить, и к Миру, который Человек может преобразовать — [28, с.341]), теряет привычную сбалансированность. Все ощутимее в этих отношениях доминирование рокового поглощения невообразимостью всеобщего зла и собственной беспомощности перед его беспрепятственным давлением. Как это не грустно осознавать, перед нами факты, которые вполне согласуются: кризис методологии науки, предмет которой — сознание, личность, соответствует кризисному бытию их носителей.

Вместе с тем, кроме стереотипного понимания слова «кризис», важно обратить внимание на то, что оно значит также и «решительный шаг», «время ответственных решений». Именно их требует социальная практика применения психологического знания и, как отмечают участники дискуссии (и не только они), современная психологическая наука

в целом. Даже вполне прагматическая цель массовой психологической реабилитации или хотя бы возвращения людей к оптимистическому самосознанию как сущности их нормального бытия, способности в принципе понимать и преобразовывать его не может быть достигнута только путем совершенствования соответствующих методик, что и засвидетельствовала упомянутая практика. Необходимы теоретические, в частности онтологического характера, исследования, базирующиеся на опыте преодоления кризисов в психологии, которые способствовали бы переосмыслению, углублению ее теоретических основ. Соответствующее системное изучение психологии современного человека, а также антропологические принципы его понимания не могут не вывести исследователя на проблему «Человек и Мир» – одну из центральных в научно обоснованной практике и, без сомнения, в психологии, ставшей центром системы человекознания XX столетия [1, с.15].

Данный, в значительной мере антропологический подход к изучению психологии человека с точки зрения всех его связей и проявлений может поначалу показаться чем-то беспрецедентным в ее истории. Но даже самой этой установки вполне достаточно, чтобы безоговорочно принять мысль В.В.Давыдова о том, что необходимо заменить естественнонаучную парадигму, в значительной мере исчерпавшую свое значение [18, с.128]. Относительно прецедента, то он хорошо известен [33], хотя скорее своей анти-антропологической направленностью. В исторической ретроспективе соответствующим «событием-вызовом» (по терминологии А.Тойнби), причастным к широкомасштабному обсуждению возникшего мировоззренческого конфликта, явилось не что иное, как «революция Н.Коперника». Она способствовала утверждению в научном сознании человечества ключевой идеи гелиоцентрических воззрений, в том числе и на место Человека в Мире, вытеснив геоцентрическую систему взглядов К.Птолемея. Несмотря на несомненный вклад первой, утвердившей приоритет методологического принципа объективности, лежавший в основе, как принято считать, большинства достижений человеческой цивилизации, в понимание бытия людей, их внутреннего мира этот вклад оказался менее значимым. Негативно оценивая это следствие мировоззренческой экспансии Коперника, расширения объективистского подхода на человека и его психологию, М.Полани категорически сомневается в том, что вообще возможна провозглашаемая там натуральная объективность. Не отбрасывая требование объективности, он вполне резонно настаивает на познавательной ценности, достоверности рефлексии: «из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере опирается на теорию, чем на более непосредственное восприятие» [20, с.11]. Вместе с Полани есть основания сомневаться в последовательной объективности понимания человеческой психологии хотя бы потому, что исследование

осуществляет такой же по своей природе человек или группа людей, которые неминуемо исходят из центра (психики), находящегося в каждом из нас, а также говорят о результатах изучения человеческим языком, сформированным насущными потребностями взаимодействия людей. «Любая попытка, — констатирует М.Полани, — полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице» [20, с.20]. С данной точки зрения антропоцентричность представляет собой более объективную позицию в психологии, чем сциентизм, в соответствии с определяющими положениями которого психика должна изучаться так же, как предметы естественных наук, что и закреплено естественнонаучной парадигмой.

Исходя из особенностей сложившейся сейчас ситуации, требующей научной координации (но не слияния) теоретической и прикладной психологии, необходимым шагом в связи с этим, представляется дальнейшая ее онтологизация. Начатая Л.С.Выготским и его последователями, она еще в 20-е годы показала существенную ограниченность естественнонаучных принципов интерпретации психической реальности, особенно в понимании личности, ее высших проявлений, деятельности. Благодаря разработанному ими подходу психическое получает действительную возможность выявить себя как активное начало, причину, формирующую образ Мира и сознательно его преобразующую действием. В развитие этих идей С.Л.Рубинштейн раскрыл значение осознанности, связанную с ней произвольность, характеризующие психологическую индивидуальность человека, качественно отличающие его от других объектов природы и их взаимодействия с Миром [28, с.311]. Кроме того, личность, как указывает, принимая во внимание эти принципы, Г.С.Костюк, выступает средоточием взаимосвязи внешних влияний (Мира) и внутренних условий (Сознания). Совокупность последних, сформировавшаяся вследствие предыдущих воздействий среды, в свою очередь, обуславливает эффект последующего влияния на нее [11, с.51].

Таким образом, один из ответов кризисным явлениям в психологии подготовлен всем ходом многовекторного развития научной психологии: назрела необходимость переосмысления ее методологических ориентиров. Данный путь решения актуального конфликта можно рассматривать как разграничивающее два столетия «событие – ответ» (А.Тойнби) на тот «вызов», которым, начиная со времен И.М. Сеченова («Рефлексы головного мозга», 1863 г.) и вплоть до наших дней, являлось перманентное противостояние сциентистского (естественнонаучного) и гуманистического мировоззрений в психологии. Ведь под знаком их столкновения, а именно отстаивания приоритета натурального или социального в интерпретации психики, фактически развивалась современная психология в XX ст. С этим, как не странно, связана значительная часть ее открытий. Нельзя не отметить, однако, и это с акаде-

мической полнотой раскрыл историк всемирной психологии В.А.Роменец, что и названные методологемы отличаются друг от друга не только преимуществами [27, с.824].

Сциентизм, стремящийся к объективности естественнонаучного характера, усматривает ее в определенной, регулярно повторяющейся последовательности психологических факторов, состояний, действий и т.п. Здесь принимаются во внимание в основном эмпирические данные, опыт. И хотя такой путь к Истине кажется убедительным вследствие акцентирования наглядности при установлении причинно-следственных отношений, все же происходит то нивелирование индивидуальности человека, его психологической уникальности, которое фактически их отбрасывает, отрицает присущую им в психологическом срезе неповторимость. Под «ножом» объективизма оказывается сама возможность психологически полноценно представить природу человека, поскольку данные, получаемые объективистским способом, весьма приблизительны, что остроумно иллюстрирует А.В.Юревич [33, с.38—40]. Однако не меньше теряет противоположное направление в стремлении придерживаться принципов индивидуализации, отказавшись для этого от большинства методов естественных наук, учета соответствующих детерминант. Так, гуманистическая психология в надежде эксплицировать уникальность исследуемых явлений вынуждена прибегать к непомерному расширению границ научности. Характерные для этого подхода идеографичность и описательность приближают гуманистическую психологию к художественному постижению действительности. Ограничение, таким образом, попыток типизации здесь закономерно приводит к раскрытию в основном только единичного, к тому же любого качества, поскольку оригинальность личности, способной к самоактуализации и саморазвитию (по К.Роджерсу) в этом плане не определена. «Гуманистическая психология, возникшая как определенное отрицание современной ей научной, в частности естественнонаучной, — констатирует В.А.Роменец, — выпустила из своего поля зрения и не показала основного — как возникает уникальное, отрицающее общее и всеобщее» [27, с.825]. Действительно, ведь индивидуализация в психологии не является конечной целью исследования, скорее она только способствует пониманию всеобщего, проявляющегося через индивидуальное бытие.

Истинная сущность каждого из противопоставленных здесь методологических кредо хотя и противоположна, но не чрезмерно. Анализ показывает, что их ограниченность носит частный характер, и каждая из данных объяснительных моделей имплицитно способна к тому или иному объединению с противоположной, точнее к ее дополнению, что не противоречит объективной целостности объекта психологии. Предпосылкой же учета объясняющего смысла каждой модели при таком объединении является не что иное, как двукачественность природы

психики людей (натуральность и социальность). В принципе предлагаемое соединение осуществимо и теоретически, и практически.

Прецедентом такого шага можно считать концепцию культурно-исторического развития психики от ее натуральных уровней до высших психических функций (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия), в которой синтезированы объяснительная и описательная ветви психологии. Используя, по-видимому, замечательную идею С.Л.Рубинштейна о логическом звене, объединяющем каждую из систем психологического знания, Л.С.Выготский выявил тот «нерв» методологического процесса образования таких систем, благодаря которому и с помощью которого такое движение знания происходит. Этим фактором (психологии науки) является методологическое осмысление определенного открытия в той или иной области психологии, превращающееся в объяснительный принцип и применяемый затем к пониманию механизмов психики в целом (ассоциация, инсайт, рефлекс, мотивация, деятельность, поступок и др.). На этой основе, как было показано, и создаются психологические системы, через соответствующую концепцию которых авторы рассматривают ключевые для данной фазы развития этой науки проблемы [5; 26]. Усовершенствование же системы чревато появлением новой: от огня, как известно, может появиться только огонь. Таким образом, движение психологического знания происходит по восходящей спирали, — с определенными повторами, но непременно сопровождается обогащением фактического материала, появлением новых эвристических принципов, содержательных обобщений и т.п., — к более совершенному творческому продукту, в том числе к психологической системе.

Современная психология, как видим, осуществляет себя и в качестве более-менее четкой системы (ассоциативного, бихевиористского, динамического, экзистенциального, деятельностного и др. характера), и как огромный комплекс взаимосвязанных феноменов, открытых на встречу той или иной систематизации. В этом своеобразии актуальной фазы ее развития, чреватой методологическими кризисами, спровоцированными типом социальных запросов, но протекающих по законам ее внутренней логики, о содержании которых все более задумываются не только теоретики, но и маститые представители практики [2; 3]. В то же время есть все основания полагать, что данное состояние психологии качественно отличается от феноменологического [33], характерного как условие внедрения в нее позитивизма. Поэтому, исходя из проведенного анализа, следует, на наш взгляд, обратиться к роли системообразующих факторов психологии, значимых в этих условиях и теоретически, и практически.

В продвижении по пути онтологизации, в частности с помощью разработки систем психологического знания, ключевая роль принадлежит определению (открытию) «логического узла – очага мысли, развер-

тывание которой ведет к перестройке психологических знаний» [27, с.826]. Создание, как и разрушение, психологических систем носит закономерный (маятникоподобный) характер, а само это движение наиболее заметно, если обратиться к закономерностям появления в психологии того или иного ее канона (В.А.Роменец). Сущность и роль канона восходит к идеальному воплощению Истины, он и представляет собой идеализированную схему психологического знания, цементирует соответствующую их систему изнутри. Канон – движущая сила последней, образец психологического знания [27, с.827]. Поэтому он (канон) определяется в объективно надежном логическом звене, вокруг которого группируется знание. Однако формируется отнюдь не застывшая структура: и канон, и образуемая система открыты онтологическим испытаниям на оселке ключевых теоретических и прикладных проблем, для решения которых, как правило, они и создаются.

Одной из таких проблем, значимой и для научной психологии и ее ученых, остается раскол в оценке вклада советской психологии, в частности ее методологических разработок, поскольку часто в них акцентируют их политический привкус. М.Г.Ярошевский как историк советской психологии аргументированно отводил эти обвинения [18, с.132]. Не противоречат его оценке и заключения непредвзятого эксперта, историка из США, Л.Р.Грэхэма, посвятившего анализу науки в СССР специальное исследование. «... А.Р.Лурия, А.И.Опарин, Л.С.Выготский и С.Л.Рубинштейн, — пишет он, — являются теми выдающимися советскими учеными, которые подчеркивали эвристическое значение идей марксизма для их творческой деятельности еще до того, как от них стали этого требовать; ... и по прошествии худшего периода – сталинизма, в Советском Союзе опять появились ученые, совмещающие диалектико-материалистическую интерпретацию природы с обычными стандартами научной честности» [8, с.21]. Не углубляясь более в актуальную проблему взаимоотношений между современными поколениями, все же следует, невзирая на идиосинкразию к сталинизму, по достоинству оценить советскую психологию личности, остающуюся пока не востребовавшей ценностью. Методологический кризис должен заставить нас не столько разбрасывать, сколько собирать камни. К тому же движение идей, стремление к Истине, как известно, не замирают даже в неблагоприятных общественно-политических условиях, а в некоторых случаях наоборот — усиливаются наперекор тирании политической, религиозной, социальной [30; 32].

Следующей составляющей предлагаемого ответа кризисным явлениям, по-видимому, должно быть непредвзятое понимание своевременности разумного анализа, научного диалога с достижениями советской и мировой психологии, расширяющими когнитивную базу для психологического овладения непростыми реалиями современной обще-

ственно-политической и социально-экономической ситуации. Каноном его может служить подвижническая исследовательская и научно-практическая деятельность плеяды патриотов психологии, которые в не менее трудное для науки время сделали все, чтобы сохранить и умножить унаследованную от прошлого психологическую культуру, представленную фундаментальными и прикладными ее направлениями. Диалог между последними, способствующий их взаимному обогащению, еще более значим, ибо усиливающееся противопоставление этих областей психологии ведет их только к обоюдному обессиливанию [18, с.131].

Объективная необходимость следовать логике детерминизма – третья часть ответа. Современные объяснительные его принципы все полнее раскрывают названные выше уровни психической причинности, благодаря чему научная психология определилась в центре человекознания. Переосмыслить под этим углом зрения предстоит и логическое звено систематизации психологического знания.

При этом должны быть приняты во внимание как внутренняя логика и психология формирования психологических систем, о чем уже шла речь, так и соответствующие культурно-исторические процессы. В симметричном их диалоге может быть открыт комплекс требований к логическому основанию такой необходимой в условиях методологического кризиса канонической системе психологического знания, конкретным его формам действенно-преобразующего характера. Комплексное решение поднятого вопроса приемлемо и для удовлетворения запросов социальной практики, занятой в большинстве случаев личностными проблемами клиентов и пациентов, и для теоретико-методологического понимания психологических факторов самодвижения, самовоссоздания этих субъектов ситуации по канонам целостности личности, ее творчества [2; 27].

С этой целью, следуя категоричности сциентизма, необходимо отметить достаточно прозрачную ограниченность естественнонаучной парадигмы, поскольку она предназначена объяснить (предвидеть) главное в психике с ее позиций – объектированное. «В первую очередь это движение, его механизм – рефлекс, смысл этого движения – адаптация организма к среде» [27, с.816]. Во всех подобных случаях психика рассматривается не как цель анализа, а как средство предвосхищения действий, упреждающего отражения (П.К.Анохин, Н.А.Бернштейн). Но это не недостаток данной психологической системы, а ее специфическая способность четко понимать проявления «нижних этажей» психики, детерминация которых внешне обусловлена непосредственными связями, где психическое отражение функционально означает взаимозависимости с Миром. Однако высшие проявления, как известно, более самобытны и, конечно, во много раз вариативнее и менее прогнозируемы уже

хотя бы потому, что сознательный человек способен выбирать, создавая себе при этом, например, дополнительные трудности, действовать нравственно, даже во вред собственному здоровью и жизни. Иными словами, детерминанты поведения личности (поступки), целевые действия, определяемые индивидуальными стратегиями (например, характером), несколько другие, они направляются личностью, ее собственной ответственностью за предпринятые решения, ее творчеством. На этом уровне движения психики ведущей становится субъективность. «Игнорировать субъект, субъективное, — утверждал Г.С.Костюк, — значит отрывать эту деятельность от ее носителя...» [11, с.25]. Действительно, содержание стремлений субъекта непосредственно не определяется ни нейродинамическими законами, ни социальными процессами. Они действуют как внешние условия, факторы среды, степень адекватности которым, однако, влияет на формирование «внутреннего мира» личности, устойчивые особенности ее психической деятельности.

Понимаемая таким образом самостоятельность субъективного и объективного относительна и не может быть интерпретирована как игнорирование объективного (в частности, независимого от сознания субъекта) характера законов психологии. В данном факте находит отражение двойственность природы психики личности (натуральность и социальность), которая в сциентизме так или иначе приводит к редукции социального, низведению его к натуральному, что фактически отрицает современная практика, отбрасывая заодно с естественнонаучной парадигмой теорию и методологию научной психологии в целом.

Исходя из проанализированных аспектов кризиса (психолого-социальных по своему значению), важно пристально рассмотреть кристаллизацию новой тенденции в развитии человеческой цивилизации, обретающей, по данным футурологов, все большую весомость в определении ее будущего. В первую очередь здесь отмечают глобализацию, переход к постиндустриальным способам производства и общественного бытия со всеми соответствующими психологическими результатами такой его трансформации [14]. Среди психолого-экономических последствий обращает на себя внимание превращение информации в своеобразный товар, а также дальнейшая генерализация функций и ценности ее как товара. Предвосхищая эту особенность развития человечества, Н.Виннер, еще в 30-е годы предсказывал формирование информационного общества, «валютой» которого станет достоверная информация, а господствующими силами — эффективные собственники и пользователи информации. Понятно, что социальное ее значение не может не влиять на психологию личности. Современные футурологи, опираясь на социологию, демографические, статистические исследования, считают, что людей ожидает дальнейшее углубление автономизации личности, кар-

динальное изменение привычных представлений о стабильности семьи, трансформация личных взаимоотношений, общественных связей и т.п.

Выводы

Таким образом, еще большую, чем ранее, ценность приобретают коммуникативные способности людей, соответствующие качества личности, свойственные ее природе и определяющие способ ее бытия, реализуемый, в частности, связями между поколениями. Нарушение преемственности последних, как известно, чревато, в конечном счете, ослаблением общества, его деградацией. Анализ исторической ретроспективы становления человеческих отношений различного уровня психологической значимости показывает, что именно они выступили непосредственным психологическим источником развития современного человека, сложившегося способа его бытия [22]. Коммуникативность его лежит в основе эффективности способов формирования самоидентичности, Я-концепции т.п. Поэтому перспектива обособления членов глобализированного общества представляется проблемой не менее актуальной, чем рассматриваемая. Как продолжение кризиса она поднимает вопрос о социальном качестве человеческой коммуникации, а соответствующая общественная потребность (социальный заказ) заключается в том, чтобы целенаправленно «удержать» от деградации данную грань природы личности, представленную на биологическом, социальном и духовном уровнях ее бытия.

Исходя из тенденций развития современной психологической науки, адекватным в рассмотренных условиях может выступить создание в соответствии с данной потребностью коммуникативной системы психологического знания, корреспондирующей с природой человека как индивида, субъекта деятельности и общения, личности. Логическим центром системы следует определить коммуникативную способность во всех ее связях с другими психическими образованиями и их механизмами. В этом случае канон может выступать единение людей как своеобразный поступок духовного уровня, не отрицающий их неповторимой индивидуальности, а взаимно обогащающий это их качество на основе коллективного творчества, в том числе творчества коммуникативно-педагогического.

Предлагаемый психологический канон для развития психологической науки в XXI веке был предварительно проанализирован нами: а) как определенная психическая реальность, то есть рассмотрен феноменологически; б) как когнитивная психологическая модель, в) а также с практических позиций использования коммуникативной психологии в социальной сфере, в частности коммуникативно-педагогической [17; 29].

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1978. – 380 с.
2. *Бондаренко А.Ф.* Метапсихологический контекст психологической помощи // Журнал практикующего психолога. — 1995. — № 5. — С.46—54.
3. *Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Психологическое консультирование и психотерапия: Хрестоматия. Т.1 Теория и методология / Под ред. А.Б.Фенько, Н.С.Игнатъевой, М.Ю.Локтева. – М.: Моск. психотерапевтич. журнал, 1999. — С.5—21.
4. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – М.:, 1960. — 328 с.
5. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л.С.Выготский Собр. соч.: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982. — Т.1. — С.291—436.
6. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 185 с.
7. *Глазман М.С.* Научное творчество как диалог // Научное творчество / Под ред. С.Р.Микулинского и М.Г.Ярошевского. – М.: Наука, 1969. — С.221—232.
8. *Грэхем Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
9. *Давыдов В.В.* Исчерпала ли себя естественнонаучная парадигма в психологии // Вопр. психологии. — 1997. — №3. — С.127—128.
10. *Ильин И.А.* О русской идее // Русская идея. – М.: Республика, 1992. — С.436—443.
11. *Костюк Г.С.* О природе психологических закономерностей // Вопр. психологии. — 1955. — №1. — С.17—25.
12. *Костюк Г.С.* Принципы развития в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1969. — С.118—152.
13. *Лернер И.Я.* Качества знаний и их источники // Новые исследования в педагогических науках. –М.: Педагогика, 1977. — Вып.2. – 48 с.
14. *Лукин В.М.* Модели индустриальной и постиндустриальной цивилизации в западной футурологии // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. 6. — 1993. — Вып. 1. — С.17—26.
15. *Моросанов В.И.* Нужна ли смена методологических парадигм в психологии (по поводу статьи А.В.Юревича) // Психологический журн. — 2001. — Т.22. №5. — С.103—104.

16. *Марцинковская Т.Д.* Позитивизм умер, да здравствует...? // Психологический журн. — 2001. — Т.22. №5. — С.105—106.
17. *Мусатов С.О.* Психологія педагогічної комунікації: теоретико-методологічний аналіз. — К.; Рівне: Ліста-М., 2003. — 176 с.
18. О методологических проблемах современной психологии: дискуссии и обсуждения // Вопр. психологии. — 1997. — №3. — С.125—132.
19. *Пельц Д., Эндриус Ф.* Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. / Под общ. ред. Д.М.Гвишиани, С.Р.Микулинского, М.Г.Ярошевского. — М.: Прогресс, 1973. — 204 с.
20. *Полани М.* Личностное знание : На пути к посткритической философии. — М.: Прогресс, 1988. — 344с.
21. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. — М.: Наука, 1983. — 204 с.
22. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории : Проблемы палеопсихологии. — М.: Мысль, 1974. — 487 с.
23. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика /Ред. кол.: М.Ф.Овсянников и др. — М.: Искусство, 1976. — С.464—560.
24. *Регирер Е.И.* Развитие способностей исследователя. — М.: Наука, 1969. — 230 с.
25. *Роговин М.С.* Введение в психологию. — М.: Высшая школа, 1969, — 381 с.
26. *Роменець В.А.* Виховання творчих здібностей у студентів. — К.: Вища школа, 1973. — 96 с.
27. *Роменець В.А., Маноха І.П.* Історія психології ХХ століття. — К.: Либідь, 1998. — 992 с.
28. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1976. — 416 с.
29. Сучасний вчитель як суб'єкт педагогічної комунікації : Книга для вчителя / За ред. С.О.Мусатова. — К.: Наук. думка, 2003. — 96 с.
30. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
31. *Хомская Е.Д.* О методологических проблемах современной психологии // Вопр. психологии. — 1997. — №3. — С.112—125.
32. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
33. *Юревич А.В.* Психология и методология // Психологический журн. — 2000. — Т.21. — №5. — С.35—47.
34. *Ярошевский М.Г.* Психология в ХХ столетии. — М.: Изд-во полит. Лит., 1971. — 368 с.